

РУССКИЙ ЯЗЫК В ШКОЛЕ

У Ч П Е Д Г И З
МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР

МОСКВА 1950

ЯЗЫК КРЕСТЬЯНСТВА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А. П. ЧЕХОВА

I

исатели-классики обращались к языку крестьянства не только для создания правдивых произведений из деревенской жизни. Народная речь была для них могучим средством развития и постоянного обновления литературного языка. Словесное искусство великих мастеров русской литературы опирается на языковое творчество народа.

Язык крестьянства не оставался замкнутым и неизменным. Он развивался и дифференцировался, отражая социально-экономическое положение этого класса в различные исторические эпохи. Из крестьянского языка отбирались только те словесные средства, которые отвечали идейным устремлениям и эстетическим требованиям писателей.

Стилистические системы великих художников слова XIX и XX вв. отразили живую речь крестьянства в наиболее важные и яркие моменты её истории.

Так, в повестях и рассказах А. П. Чехова реалистически показано крестьянство XIX в. Свыше 60 произведений посвящено им описанию жизни деревни. Интерес к народной жизни не ослабевал у писателя в течение всей его литературной деятельности. Большинство рассказов о крестьянстве написано им в 90-х годах. Последними произведениями Чехова о деревне были повесть «В овраге» и рассказ «На святках».

Чехов изображал деревню в тот период, когда помещики и капиталисты беспощадно разоряли крестьянство, когда в деревне появилось кулачество, а, с другой стороны, масса безземельных и малоземельных крестьян была вынуждена искать средства к существованию в городах.

Писатель-реалист внимательно наблюдал те социальные процессы, которые происходили в деревне в

период развития капитализма. Он видел, как экономическое расслоение ломало весь уклад деревенской жизни и вело к глубоким изменениям традиционных форм языка крестьянства. И в своих произведениях Чехов дифференцирует словопользование разных социальных групп. Он противопоставляет фразеологию крестьян-тружеников кулацким «изречениям». Афоризм Костыля «Кто трудится, кто терпит, тот и старше» и цыбукинская поговорка «Кто к чему приставлен» передают противоположные взгляды на социальное положение деревенского человека. Маляр Редька часто повторяет сентенцию: «Тля ест траву, ржа — железо, а лжа — душу» («Моя жизнь»).

Свое тяжёлое экономическое положение крестьяне выражают в устойчивых оборотах: «Нет никакой моей возможности», — говорят герои рассказов «Счастье», «Свирель», «Степь» и др. Этот оборот заменяется синонимическими выражениями: «Одолела нужда», «Нет мочи» («Новая дача», «Мужики»). К таким же устойчивым оборотам относится: «Нет на вас погибели» («Счастье», «Степь»). Во время свадебного торжества у Цыбукиных какая-то баба кричала: «Насосались нашей крови, ироды, нет на вас погибели» («В овраге»).

Наряду с такими устойчивыми речевыми сочетаниями Чехов пользовался также пословицами и поговорками русского народного языка. Те немногочисленные пословицы и поговорки, которые встречаются в языке персонажей, в большинстве своём широко известны: «Шкодлив вы эти бабы, как кошки, трусливы, как зайцы» («Агафья»); «Кошке смех, мышке слёзы» (там же); «Сама собака не ест и другим не даёт» («Счастье»); «Есть квас, да не про вас» (там же); «Полубилась ворона пуще ясна сокола» («Осенью»); «Пришла беда, отворяй ворота» («Бабы») и др. Старик Илья Лошадин свой рассказ о разо-

рения заключает поговоркой: «У Мокея было четыре лакея, а теперь Мокей — сам лакей. У Петрака было четыре батрака, а теперь Петрак — сам батрак» («По делам службы»).

Автор замечательных повестей о крестьянстве широко использовал лексику, связанную с бытом, условиями жизни «мужиков»: *бедные избы, неопрятная, покосившаяся печь, копоть, полати, люльки, глухая кошка, чёрный хлеб, ржаные корки, вода, похлёбка из селёдочной головки, сахар... огрызанный и серый, тараканы, лохмотья, безысходная нужда, брань, крик, болезнь, смерть* и т. д. Весь этот лексический ряд «избяного» быта наглядно воспроизводит жизнь крестьян, изображённых художником в произведении «Мужики».

В этом рассказе, так же как и во всех других, где рисуется жизнь деревни, очень мало терминов, обозначающих виды крестьянского труда. В «Записные книжки» Чехов внёс интересное наблюдение: «Крестьяне, которые больше всего трудятся, не употребляют слова *труд*» (т. XII, стр. 27). В произведении «Моя жизнь» эта языковая особенность отнесена уже ко всем людям труда: «Я жил теперь среди людей, для которых труд был обязателен и неизбежен и которые работали, как ломовые лошади, часто не сознавая нравственного значения труда и даже никогда не употребляя в разговоре самого слова *труд*».

Процессы земледельческого труда прямо названы в указанном произведении: «Когда пришло время сеять овёс, я пробовал двоить, скородить, сеять и делал всё это добросовестно, не отставая от работника». Этот тонкий штрих указывает на всю условность и случайность «сельскохозяйственной деятельности» Мисаила Полознева, потому что он сам признаётся: «...у меня не было сознания неизбежности и обязательности этого труда, и мне казалось, что я забавляюсь» («Моя жизнь»).

Стилистический приём характеристики персонажа словами, которые

передают необычные, «необязательные» для него действия, связанные с земледельческим трудом, ещё более ярко выражен в рассказах «Ариадна», «О любви». Следует отметить, что в этих произведениях повествование ведётся самими героями. Один из них, владелец имения Алёхин, говорит: «...я сам тоже пахал, сеял, косил и при этом скучал и брезгливо морщился, как деревенская кошка, которая с голоду ест на огороде огурцы» («О любви»). Таким образом, употребление слова находится в глубокой связи с идейным содержанием рассказа.

Вот почему в произведениях Чехова всегда чувствуется та реальная обстановка, которая наполняет слова персонажа определённым значением. Например, Осип Чикильдеев форму *застрахована* заменяет другим причастным образованием: *заштрафована*. Это слово для него осмысленней и закономерней. Психологически оно мотивируется всем контекстом повести «Мужики». Старик Родион («Новая дача») слова инженера *презирать* *будем* понял в значении *оказывать помощь*. Двупланность толкования вызывает известный стилистический эффект.

А. П. Чехов в нескольких рассказах показывает, как крестьяне по-своему понимают некоторые слова из официального, канцелярского языка. Сотский Илья Лошадин в слово *форма* вкладывает значение «чего-то ненужного, бесполезного»: «...пиши что хочешь, тут одна форма, а ты ходи, раздавай листки, а потом опять ходи и собирай» («По делам службы»). Композиционно-стилистическая функция этого слова ещё глубже обозначается, когда молодой следователь, широко обобщая, выражает им всю окружающую его тяжёлую действительность: «Всё это не жизнь, не люди, а что-то существующее только «по форме», как говорит Лошадин...» (там же). После упорной работы мысли следователь отрицает свой первоначальный вывод, потому что «...мириться с тем, что эти люди, покорные своему жребию, взвалили на себя самое тяжёлое и тёмное, — как это ужасно!» Так устанавливаются

два аспекта в понимании и применении слова *форма*.

В одном из последних рассказов Чехова («На святках») старик Пётр называл водолечебное заведение *водоцелбным*. Автор мотивирует такое словообразование тем, что старик «верил в заведение и в целебную силу воды». Старый работник приговор Анисиму передаёт следующими словами: «Решение прав и всего состояния» («В овраге»). Как видно из реплики, вместо *лишение* употреблено более понятное говорящему слово *решение*.

Лексическая ассимиляция не приносится в повествование рассказчиком. Она обусловлена жизненным опытом персонажа. Разбирая пьесу Фёдорова «Обыкновенная женщина», Чехов пишет: «Володя хорош, только его нужно бы сделать, мне кажется, ещё тупее; и нужно, чтобы он в самом деле занимался теперь или когда-нибудь ранее механикой и чтобы выражения «пар пушен», «заработают теперь колёса» и пр. не были пустыми, а вытекали, так сказать, из глубины» («Литературный архив», т. I, «А. П. Чехов», 1947, стр. 243). В этом письме сформулирован основной принцип словоупотребления гениального стилиста, принцип, который он последовательно проводил в художественном творчестве.

А. П. Чехов всегда мотивирует особенности словаря героя. Сторож Игнат, герой рассказа «Белолобый», кричал себе: «Стоп, машина!» И прежде чем пойти дальше: «Полный ход!» Рассказчик объясняет это тем, что «раньше он служил в механиках». И слова старика оказываются не пустыми, потому что они выражают его давно сложившийся речевой опыт.

Костыль говорит о Липе: «Всё, значит, в ней на месте, всё гладенькое, не громыхнёт, вся механизма в исправности, винтов много». Дальше автор указывает на причину такой метафоризации. Костыль переносит в сферу бытовой речи свой профессиональный словарь. Ведь он «с молодых лет работал в Уклееве на фабриках и в уезде» («В овраге»). Слова осмысливаются в свете

речевого опыта говорящего, отражая его психологию и характер мышления.

II

Языковые различия между «мужиками» и деревенской буржуазией очень наглядно выступают при употреблении иноязычных слов. При их изучении нас должно интересовать не то, что *корсет*, *ботинки*, *кадриль* — слова французские; *картуз*, *зонтик*, *рюмка* — голландские; *илейф* — слово немецкое, а *херес* — испанское. Важно установить стилистическую функцию этих слов в речевой манере повествователя.

А. П. Чехов писал А. М. Горькому «о неудобстве иностранных, не коренных русских, или редко употребительных слов» («Письма», т. V, стр. 479).

Иностранные слова, используемые Чеховым, передают типичные черты жизни и быта крестьянства. В рассказе «Рано» автор тонко отмечает: «В кабаке Семёна, переименованном недавно в трактир...» *Трактир* заменил старое тюркское слово *кабак*. Писатель не прошёл и мимо этого, казалось, не столь уж значительного явления крестьянского быта конца прошлого века.

В повести «Мужики» иноязычные слова обозначают понятия, связанные со службой, которую несли жуковцы в городе. «Избыточное население» деревни Жуково шло в Москву. Там «мужики» становились «лакеями», «капельдинерами»; свою деревенскую одежду сменяли на городскую: «Он [Чикильдеев] достал фрак».

Среди «речевых заготовок», предназначенных для этого произведения, есть и *сюртук*: «В Москве и Кирьяк снимался, взявши у кого-то сюртук» (т. XII, стр. 104). «Мужики» сюртука не носили. Это была одежда богатых людей. В ней мы видим старика Цыбукина и Анисима. На них были *чёрные сюртуки*. Толковый, герой рассказа «В ссылке», говорит: «Я, братцы, не мужик простой, не из хамского звания, а дьячковский сын... в сюртуке ходил».

Показательно также употребление слова *калоши*. В письме к Суворину в 1895 г. Чехов писал: «Лошади сыты, свиньи сыты, девки веселы и ходят в резиновых калошах, скот дорог, мужики даже телят не продают, одним кулакам плохо, что и требовалось» («Письма», т. IV, стр. 353).

Это слово выполняет характеристическую функцию во многих рассказах Чехова. У Анисима Цыбукина были «блестящие резиновые калоши» («В овраге»). На сельском лавочнике Андрее Андреевиче «...солидные калоши, те самые громадные, неуклюжие калоши, которые бывают на ногах только у людей положительных, рассудительных и религиозно убеждённых» («Панихида»). Деревенский трактирщик Яков Иванович «калоши носил даже в сухую погоду» («Убийство»). В портрете учителя Беликова калоши — существенная подробность, наряду с зонтиком и тёплым пальто. Но определения для них в этом случае нет, потому что для художника важен сам предмет, а не его качественная характеристика. О профессоре Серебрякове дядя Ваня с явным осуждением высказывается: «Жарко, душно, а наш великий учёный в пальто, в калошах, с зонтиком и в перчатках» («Дядя Ваня»). У студента Трофимова не могло быть хороших калош. Варя говорит о них: «И какие они у Вас грязные, старые» («Вишнёвый сад»). Таким образом, каждый раз контекст художественного произведения придаёт особую стилистическую окраску этому слову.

В ряде крестьянских рассказов Чехов изображает, как деревенские торговцы, трактирщики отгораживаются от народа, его языка. Для этого Чеховым используются, кроме других языковых средств, иноязычные слова. Их особенно много в повести «В овраге». Ими обозначаются по преимуществу понятия, в которых раскрывается стремление деревенских буржуа во всём подражать городским. При описании цыбукинской среды автор широко привлекает иноязычную лексику. У Аксиньи скрипучие *ботинки*,

платье со *шлейфом*, *корсет*, *шляпка*, *зонтик*. Повествователь называет разнообразные закуски: *шпроты*, *сардины*, прокисшие *омары*; из вин упоминается *коньяк*, *херес*. Анисим употребляет слово *персона*, но в число персон не включает мужиков. Автор говорит и о том танце, который тогда был модным — *кадриль*. Не без иронии он пишет: «Среди кадрили пускались вдруг вприсядку». Такова стилистическая функция иноязычных слов в этой замечательной повести.

III

Из общерусской речи Чехов выбирал такие языковые формы, которые иногда были местными, но имели широкое распространение и не выделялись резко на фоне национально-литературных норм.

Оценивая рассказ Щеглова «Идиллия», Чехов замечает: «Начать хоть с того, что всю музыку Вы испортили провинциализмами, которыми усыпана вся середка. *Кабачки*, *отчины* *дверь*, *говóрить* и проч., за всё не скажет Вам спасибо великоросс... Язык щедро попорчен» («Письма», т. II, стр. 34).

Справедливо осуждая неумелое, не оправданное особым стилистическим заданием использование областного речи, Чехов, как и все наши выдающиеся писатели, не отказывался от тех выразительных средств, которые в ней заключены.

Великий художник, с детства усвоивший южнорусскую речь, воспроизвёл её отдельные черты во многих рассказах. Описывая природу юга нашей страны, скупно и сдержанно вносит он в повествование некоторые местные слова.

Обычными фигурами при описании Чеховым степного пейзажа бывают пастухи, или, по-местному, *чабаны*, стерегущие *отары овец*. В руках у пастухов *герлыги*. Областное слово *герлыги* вначале заключается автором в кавычки и поясняется в приложении: «длинные палки с крючками на верхнем конце» («Счастье»). Затем оно употребляется без кавычек. Из рассказа «Степь» Чехов исключил этот диалектизм,

заменяв его описательным оборотом: «Старик-чабан... с крючком на длинной палке». Объясняется это тем, что степная жизнь рисуется здесь так, как воспринимает её девятилетний городской мальчик.

Природа степного края с исключительной точностью и полнотой описана в этой повести. Названы все виды птиц, рыб. В «Степи» встречается 17 разновидностей пернатых, кроме их родового обозначения — *птицы*. Их пение, крики входят в акустические образы живой степи, которая оказывается не безучастной к переживаниям Егорушки, подводчиков, всех, чья жизнь связана с её раздольем и богатством.

Повествующий говорит: «Плакал один чибис». И затем опять повторяет: «Плакал один чибис». Птица, которую «степняки зовут *сплюком*, кому-то кричит: «сплю! сплю! сплю!» Чехов чётко оговаривает, что так она называется в Донской области. У этой «сумеречной птицы» имеются и другие, более распространённые названия: *зорька*, *совка*. В рассказе «Печенег», в котором описание степи дано через восприятие городского жителя — частного поверенного, — областное наименование этой птицы заменяется общелитературным: «...маленькая ночная сова кричит монотонно: «Сплю! сплю!» Из птиц южной России называются ещё *дрохва* (дудак), *старички* (кулики), а также *ракша* (сизоворонок): «...высохшая ветла с синей ракшей» («Степь»). В другом же рассказе вместо этого диалектизма дан описательный оборот: «И какие-то странные синие птицы по дороге...» («В родном углу»). Художник здесь изображает донецкую степь так, как видит её городская девушка.

Почти во всех крестьянских рассказах автор отмечает различные виды рыб. Следуя общему принципу включения диалектизмов, Чехов областные наименования рыб даёт в прямой речи персонажей. Старик Пантелей и Стёпка называют окуня *чикамасом*. В авторской речи употреблено слово литературного языка. Донское название пескаря, *бырь*, также приведено в прямой

речи одного из героев «Степи». Небольшая речная хищная рыба имеет два областных названия: *жерех* или *шереспёр*. В южнорусской звуковой форме одно из них встречается в речи бродяги: *шилшипёр* («Мечты»). В его же высказывании находим местное слово, обозначающее рыболовную снасть для ловли хищных рыб, — *жерлица* («Мечты»). При описании Сахалина Чехов перечислил некоторых рыб этого водного бассейна. Среди них оказался донской *чебак*, то-есть лещ. Жабры у рыбы называются в южнорусских говорах *зёбрами*. Эту диалектальную форму встречаем в двух рассказах: «За зёбры хватай, за зёбры» («Налим»); «... поймал гадючку с зёбрами» («Мечты»).

Южнорусские степи пересечены *балками*, в которых ранней весной поют соловьи. Места, где пасут скот, — по-здешнему *попасы* («Красавицы»). *Клуня* (мякинник) входит в общий степной пейзаж, которым начинается рассказ «В родном углу». Большинство словарных диалектизмов Чехова относится к природе донских степей. В речи старика-пастуха («Счастье») скала дана в местной огласовке — *скеля*.

Этнографизм не был творческим принципом Чехова. Поэтому лишь в редких случаях при обозначении одежды, предметов быта, названий пищи автор пользуется областным словарём. Из видов одежды, которую носят люди этого края, писатель назвал *рядно* — мешковина («Счастье»), *чумарку* — кафтанчик («Счастье», «Степь»). В рассказе «Агафья» говорится о *черепенной* (глиняной) посуде. В речи одного из персонажей рассказа «Бабы» употреблено слово *юшка*, которое в южнорусских говорах обозначает жидкую часть еды.

От тяжёлого, изнурительного труда крестьяне чаще всего болели *грызью*. Чехов об этом пишет во многих рассказах: «Спать хочется», «Нсвая дача», «Убийство». Обращает на себя внимание южнорусская огласовка этого диалектизма.

Слова, содержащие оценку и характеристики человека — *ледащий*, *недотёпа*, находим в произведе-

ниях «Убийство», «Мужики» и в пьесе «Вишнёвый сад». Последнее, благодаря Чехову, стало литературным и помещено в словаре образцовой русской речи. Задолго до появления этих рассказов и пьесы указанные слова были употреблены Чеховым в письмах. Л. Мизиновой Чехов писал: «Недотёпа продолжает быть недотёпой» («Письма», т. IV, стр. 380).

Чехов не включал ни в авторский контекст, ни в речь персонажей слов с ярко выраженной диалектной окраской. Лишь только в ранней его переписке можно найти такие диалектизмы, например: *драгаль* (крючник, грузчик), *дришпаки* (неотёсанные парни), *жердели* (мелкие абрикосы), *рыгочет* (смеётся) и др. В письмах позднейшего периода подобных областных слов уже нет.

Морфологические черты диалектной речи в меньшей степени, чем словарные, использованы Чеховым.

Характерной особенностью южнорусских говоров является отсутствие форм среднего рода. Эта черта отражена в нескольких рассказах: «*всякая растения* на убыль пошла» («Свирель»); «каждый имел *полную праву*» («Степь»); «свою пальтишку» (там же). В письме к брату Александру в 1893 г. Чехов писал: «Стало жарко, и *всякая растения* лезет из земли и показывает свой характер» («Письма», т. IV, стр. 218). Из глагольных форм употребляется инфинитив с удвоенным суффиксом: «надо *иттить*» («День за городом»), «прийтить» («По делам службы»).

Очень ярко характерные черты южнорусского наречия записал Чехов в дневнике-письме: «Я в Таганроге. Меня *встречаить* Егорушка»; «Девыцы ходят к Е. поглядеть, что за птица Чехов, который *пишить*» («Письма», т. I, стр. 341—348). «Я послал вам в два раза 16 страниц дневника и *вдивляюсь*, что они ещё не получены Вами» («Письма», т. I, стр. 350). Вспоминая о писателе, его брат Михаил заметил: «Неожиданно моя жена получила от Антона Павловича записку: «Папаша *приедить* у субботу» («Письма»,

т. IV, стр. XXI). В интимных письмах к своим родным Чехов обращался к диалектальной речи, шутливо противопоставляя её общепринятым нормам.

Внимание писателя было обращено и на фонетическую сторону речи персонажей. Все элементы языка могут быть выразительными в большей или меньшей мере. Чехов, стремясь создать впечатление непосредственного устного рассказа, во многих произведениях указывает на произношение фраз, слов и даже отдельных звуков. Предполагая написать роман, Чехов в письме к Григоровичу сообщал: «...придётся ограничиться только описанием, как мои герои любят, женятся, рожают, умирают и как говорят» («Русские писатели о литературе», т. II, стр. 471).

Речевую характеристику молодой автор ставит в ряд с описанием важнейших моментов жизни героев. Для повести «Три года» художник записал много подробностей, и среди них есть одна, относящаяся к произношению персонажей: «В амбаре. Говорят на *о*, *г* произносят как латинское *g*, часто употребляют *с*, так что иная быстро произнесённая фраза бывает похожа на *свыссс*» (т. XII, стр. 19).

Контекст произведения конкретизирует эту отвлечённую запись. Мы узнаём, что так говорят приказчики. Звучание фразы рассказчик объясняет тем, что почти через каждое слово они употребляют *с* («Три года»). Для примера приводится фраза: «Желаю вам-с всего хорошего-с», которая «слышалась так, будто кто хлыстом бил по воздуху — *жвыссс*» (там же). Различие между записью и текстом повести значительно. Языковые абстракции функционально осмыслены и соотнесены с произношением определённой социальной группы. В звукоподражательном комплексе *свысс* начальное *с* заменено *ж*, потому что фраза начинается с этого звука.

Явление звуковой ассимиляции с большим искусством дал художник в речи старика Лошадина: «Ты кто?» — спросил доктор. «Цоцкай»... — ответил сотский («По де-

лам службы»). За несколько лет до написания рассказа эта форма впервые была услышана Чеховым и настолько показалась ему характерной, что он запечатлел её в своей переписке: «...неделю спустя сотский (*цоцкай*) принёс его [письмо] в волостное правление...» («Письма», т. IV, стр. 354).

Отдельные фонетические черты южнорусского наречия являлись дополнительным средством в обрисовке героев. Такая типичная черта южнорусского вокализма, как «иканье», получила отражение в ряде произведений Чехова. При этом автор брал только одно какое-либо слово, например *сичас* («Кто виноват», «Налим», «Темнота»); *чиво* («На пути»). В рассказе более позднего периода — «На святках» — писарь Егор произносит: «Должно градусов семьдесят *будить*». В письме всё в той же шутиливой форме встречается и эта диалектальная черта. Л. Мизиновой Чехов писал: «Там Вы будете *щистливы*» («Письма», т. IV, стр. 163).

Внимание Чехова к звучащей речи находит своё выражение и в том, что он не раз отмечает особенности произношения персонажами тех или других звуков; например, про старика Пантелея он пишет: «Губные согласные выговаривал он плохо, заикаясь на них» («Степь»); «Школьный сторож Яков, старик лет семидесяти, без зубов, вместо *собственного* дома произносил *цоб-твенного*» («В овраге»).

Носителями областного языка являются те представители деревни, которые всю жизнь провели в степных хуторах и сёлах, на глухих станциях, никогда не выезжая в город. Чехов прекрасно осознавал динамичность языковых форм, сферу их социально-группового употребления. При описании быта трактирщика, сектанта Якова Терехова («Убийство»), он показывает, как социальная изолированность способствует сохранению отдельных диалектальных явлений языка даже у молодого поколения. В речи Дашутки Тереховой, девушки 18 лет, грубой и тёмной, рельефно выступают черты областного гово-

ра. Тётке она рассказывает: «Дядя Матвей говорил *надысь*, поститься не надо». «Там *глыбя*», «*свистить*», — произносит она же.

Как видим, стилистическая функция диалектизмов у Чехова многообразна. Они придают пейзажу местный колорит; ими ярче раскрывается характер некоторых героев; они употребляются, наконец, и в плане иронического противопоставления канонам литературной речи.

IV

Поэтичность народного языка, его меткость Чехов воплощал в диалогах, полных жизненной силы и правды. Старик Родион образно говорит семье инженера, строившего дачу, как нужно относиться к народу: «Хочешь, скажем, к примеру, посеять на этом бугре хлеб, так сначала выкорчуй, выбери камни все, да потом вспаши, ходи да ходи... и с народом, значит, так... ходи да ходи, пока не осилишь» («Новая дача»).

Образная народная речь слышится также в небольших высказываниях Костыля и старика-возчика, в уста которого Чехов вложил слова большой любви к родине, к России.

Чехов проникновенно отметил реалистичность, внутреннюю правду, большую силу изобразительности речи крестьян-тружеников. Великий мастер поэтического слова не высказывался о взаимоотношении литературного языка и народного. Но в его художественном наследии есть замечательные страницы, в которых косвенно содержится решение этой основной проблемы словесного творчества. Всем отрицательным персонажам любого социального круга чужда народная речь в её мудрой простоте и непосредственности.

В речевом стиле доктора Астрова сочетаются те языковые формы, без которых речь интеллигента не может быть жизненной, точно передающей как мысли о прекрасном будущем, так и обыденные явления. Словесные штампы «академической речи» профессора, такой неуместной в быту, противопоставляются прямым, порой резким, но очень мет-

ким словам уездного врача Астрова, близко стоящего к народу.

Его реплики афористичны, образны; они всегда конкретны и непосредственны. Доктор Астров великолепно владеет всеми стилями живого русского языка, а не одним условно литературным, как профессор Серебряков. В речь Астрова входит народно-поэтический образ «берёзки»; слова известной песни: «Ходи, хата, ходи печь, хозяину негде лечь»; такие фразеологические обороты, как, например, «защемило мою совесть»; «маковой росянки во рту не было»; «да и вам... не сдобровать»; «мозги на своём месте»; «но ты мне зубов не заговаривай»; «калачом не заманишь»; «спасибо за хлеб, за соль, за ласку» («Дядя Ваня»).

В его высказываниях найдём и грамматические формы, свойственные народному языку. Отдельные имена существительные он употребляет в собирательном значении: «Птицы всякой была сила, видимо-невидимо». Формы народного словообразования выступают в словах с уменьшительно-увеличительными суффиксами: *здоровёхонек, именьничко, нянька*. Он иронически пользуется диалектизмом *идётъ*.

Литературная цитата, латинские выражения, иностранные слова и

просто книжные формы подчинены народной речи, являющейся основой языкового сознания доктора Астрова. В этом и заключается важнейшая особенность его речевого стиля, в котором гармонически слились формы народные и традиционно-книжные. Не отождествляя языка писателя и героя, все же можно сказать, что такой стиль речи близок к авторскому повествованию в рассказах о крестьянстве.

Но не все стороны народной жизни и народного языка были в поле зрения Чехова. В речи деревенских бедняков в ту эпоху уже звучали и революционные слова. Чехов не отразил их, ибо не видел истинных путей борьбы с помещиками и капиталистами, беспощадно разорявшими и угнетавшими «мужиков».

Только А. М. Горький, основоположник социалистического реализма, во всей глубине и разнообразности изображал народную жизнь. Он первый показал в художественной литературе, как растущее революционное сознание народа нашло новые языковые формы для своего выражения. Это была уже высшая ступень в развитии народного языка и в его поэтической интерпретации. В творениях А. М. Горького она гениально воплощена.